

The background of the cover is a soft-focus illustration of a young woman with long, flowing blonde hair and bright blue eyes. She is wearing a traditional Korean Hanbok, consisting of a white top (jacket) with a blue collar and a pink sash tied in a bow at the waist. The scene is set outdoors with cherry blossom branches framing the top and sides, and pink petals falling around her. In the background, there are soft, hazy mountains under a light sky.

ТАМ ГДЕ ЦВЕЛА СЛИВА

ТАИСИЯ ЛЕВИНА

18+

Таисия Левина

Там, где цвела слива

<https://litres.ru/74211693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она пришла в Чосон нищей девчонкой — и стала легендой.

1903 год. Тринадцатилетняя Дафна Аддингтон теряет отца и бежит из Англии, спасаясь от публичного дома. Миссионеры берут её с собой в далёкий Чосон. Там она находит новую родину. Открывает школу английского, а по ночам сражается за армию справедливости. Она готова умереть за страну, которую выбрала своим домом.

1909 год. В Сеул входят японские войска. Командир Като Кадзуки приходит к ней с просьбой научить его корейскому. Она отказывает. Он возвращается. Снова и снова.

Он не может предать Японию. Она не может предать Чосон. Но чем дальше, тем яснее: они не могут и друг без друга.

Когда аннексия становится неизбежной, Сора должна сделать выбор — спасти своих людей или спасти себя. Остаться с теми, кто сражается, или уйти с тем, кто любит.

Историческая драма о любви, долге и сливе, которая цвела, когда всё горело.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Там, где цвела слива

Глава 1

Сеул, Чосон. Май 1909 года

Слива цвела.

Белые лепестки падали во внутренний двор, устилали каменные плиты, цеплялись за подол ханбока. Сора стояла у порога и смотрела, как ветер подхватывает их и несёт через стену — туда, где шумел утренний Сеул. Город просыпался: скрипели телеги, кричали разносчики, где-то далеко били в барабан — должно быть, у Южных ворот. Она любила это время. Время, когда мир ещё тих и можно притвориться, что он принадлежит тебе.

— Учитель Хан.

Она обернулась. Ученик — мальчик двенадцати лет, сын советника при дворе, — стоял в дверях и мялся. Он всегда мялся перед вопросом, который считал невежливым.

— Говори, Ли Чон.

— Можно спросить?

— Ты уже спрашиваешь.

Он покраснел. Сора ждала.

— У вас корейское имя, — сказал он наконец. — Хан Сора. Но вы не корейнка. Вы... другая.

— Другая, — согласилась она. — Садись.

Он сел на циновку напротив неё — прямо, как его учили: спина прямая, руки на коленях. Она опустилась рядом. Достала из рукава веер — не потому что было жарко, а потому что пауза требовала движения.

— Моя мать была из знатной корейской семьи, — начала она. Голос был мягким, почти задумчивым. — Она встретила моего отца, когда он приехал в Чосон по торговым делам. Англичанин. Они полюбили друг друга. Она уехала с ним в Англию, родила меня, дала мне корейское имя.

— А почему она не научила вас корейскому?

Сора чуть опустила веер. Взгляд стал печальным — ровно настолько, чтобы мальчик заметил.

— Она умерла. Когда я была совсем маленькой. Успела только дать имя. Я выросла в Англии, среди чужих людей. И всегда мечтала вернуться на родину матери.

Мальчик молчал. Она видела, как он верит — всем сердцем, без тени сомнения. Так верят дети. Так верили взрослые. За шесть лет она рассказала эту историю десятки раз и ни разу не запнулась.

— Поэтому вы учите нас английскому? — спросил он.

— Поэтому я здесь, — сказала она. — Чтобы отдать долг. Моей матери. Моей стране.

Она не уточняла, какой именно.

Урок начался в восемь. Ученики сидели полукругом на

циновках, она — у доски, мелом выводила английские слова. «Trade». «Treaty». «Negotiation». Слова, которые понадобятся этим детям, когда они вырастут и начнут торговать с иностранцами. Или воевать. Или сдаваться.

Она говорила медленно, с мягким акцентом — гораздо более сильным, чем её настоящий. Это была часть образа. Учительница-иностранка, которая знает корейский едва-едва. Которая переспрашивает простые слова. Которая улыбается, когда не понимает.

Никто не знал, что она понимает всё. Что она слышит, как ученики шепчутся за её спиной — о своих семьях, о политике, о слухах. Что она запоминает каждое слово.

— Учитель Хан, — подняла руку девочка с переднего ряда. — А что такое «sovereignty»?

— Суверенитет. — Сора повернулась от доски. — Это когда страна сама решает свою судьбу.

— А у нас есть суверенитет?

В комнате стало тихо. Дети переглядывались. Сора посмотрела на девочку — ей было лет десять, она ещё не умела скрывать эмоции.

— Это сложный вопрос, — сказала Сора. — Давайте сначала выучим произношение.

Она произнесла слово по слогам. Дети повторили хором. Урок продолжился.

А потом, ночью, она записала в маленькую книжечку: «Суверенитет. Спрашивала дочь советника Юна. Отец, ве-

роятно, обсуждает это дома».

Вечером школа пустела. Ученики расходились, слуги запирали ворота, и Сора оставалась одна во всём здании. Это было её время. Настоящее.

Она сняла ханбок. Аккуратно сложила его на деревянный поднос — ткань цвета морской волны, вышивка ручной работы, пояс из шёлка. Она носила его как доспех. Без него она становилась кем-то другим.

Она расплела косу. Светлые волосы рассыпались по плечам — слишком светлые для этой страны, слишком заметные. Она собрала их в тугой пучок, закрепила шпильками. Достала из тайника одежду: тёмные штаны, куртка, мужская шляпа. Перевязала грудь полосой ткани — туго, как учили.

Из-под половицы извлекла ружьё. Винтовку она раздобыла три года назад — выменяла у американского моряка за информацию о таможенных пошлинах. С тех пор она чистила её каждую неделю. Масло, тряпка, терпение.

Ночной Сеул встречал её тишиной. Она шла по крышам — не быстро, но уверенно. За шесть лет она выучила каждый переулок, каждый закоулок, каждый дом, где можно спрятаться. Она знала, где живут японские патрули. Знала, где можно пересечь город незамеченной.

У Восточных ворот её ждали. Двое — в таких же тёмных одеждах, с такими же ружьями за спиной. Старший — мужчина лет сорока, с лицом, изрезанным шрамами. Он не на-

звал своего имени, когда она впервые пришла к ним. Никто не называл имён. Это было правило.

— Ты опоздала, — сказал он.

— Проверяла тетради, — ответила она.

Он хмыкнул. Они двинулись в лес. Там, в лагере армии справедливости, горел костёр и ждали люди. Её люди. Её армия. Её страна — не по крови, но по выбору.

Лагерь был скрыт в горах, в часе ходьбы от города. Никто не знал о нём — кроме тех, кто знал. Сора приходила сюда дважды в неделю. Она приносила информацию: планы японцев, передвижения войск, имена чиновников, готовых сотрудничать. Она брала задания: передать записку, разведать адрес, доставить оружие.

В ту ночь задание было простым. Нужно было передать письмо связному в порту Чемульпо. Сора взяла конверт и спрятала в складках куртки.

— Будь осторожна, — сказал человек со шрамами. — Говорят, японцы усилили патрули.

— Я всегда осторожна.

— Ты всегда рискуешь.

Она не ответила. Риск был частью жизни. Она приняла это давно — ещё там, в Англии, когда вылезала из кухонного окна с отцовскими часами в кармане.

Она вернулась в город перед рассветом. Переоделась. Спрятала ружьё. Легла в постель за час до того, как слуги на-

чали просыпаться. Когда она закрыла глаза, перед ней стояло лицо мальчика — Ли Чона. «Почему у вас корейское имя?»

Она улыбнулась в темноте. Она так часто рассказывала эту историю, что почти начала в неё верить. Почти.

Утром следующего дня она нашла старую бирку.

Это случилось случайно: она перебирала вещи в шкатулке — деньги, записки, письма, — и вдруг пальцы наткнулись на что-то холодное. Металлическая пластина. Именная бирка. Хан Сора — имя, выгравированное на латуни.

Она помнила тот день. Помнила канаву у дороги. Помнила, как нагнулась и подобрала бирку — грязную, намокшую. Она не знала тогда, кто такая Хан Сора. Не знала, умерла та женщина или просто потеряла документ. Она знала только одно: это имя может спасти её.

Она перевернула бирку. На обороте была царапина — маленькая, едва заметная. Царапина от её собственного ножа. Она сделала её в тот день, когда решила: я стану ею. Я стану Сорой.

С тех пор прошло шесть лет. Она была Сорой. Она была корейкой. Она была бойцом.

И она была готова умереть за эту страну — если понадобится.

Вечером она снова стояла во дворе школы. Слива почти отцвела. Лепестки лежали на камнях, как снег. Она смотрела

на них и думала об Англии. О Портсмуте. Об отце. О том, что он никогда не узнает, кем она стала.

— Учитель Хан.

Голос вывел её из задумчивости. Она обернулась. У ворот стоял человек. Высокий. В европейском костюме, но с корейским лицом. Она не знала его — и это было странно. Она знала всех.

— Да?

— Меня зовут Пак Сонхо. Я от губернатора. У меня к вам предложение.

Она чуть склонила голову — ровно настолько, чтобы выглядеть заинтересованной, но не встревоженной.

— Я слушаю.

— В Сеул прибывает японская делегация. Им нужен переводчик. Английский. Ваше имя назвали в министерстве.

— Я не говорю по-японски.

— Им нужен английский. Для переговоров с иностранцами.

Она помолчала. Слива уронила последний лепесток.

— Я подумаю, — сказала она.

— Конечно. — Он поклонился и ушёл.

Сора смотрела ему вслед. Японская делегация. Ей нужна была эта информация. Ей нужно было знать, кто приезжает, зачем, на сколько. Это был шанс. Опасный. Но шанс.

Она спрятала руки в рукава ханбока. Пальцы коснулись холодного металла — бирка всё ещё лежала в рукаве. Она

сжала её.

Хан Сора. Учительница. Шпионка. Боец.
Завтра всё начнётся.

Глава 2

Англия, Портсмут. 1897–1903

В доме пахло маслом.

Машинным маслом для часовых механизмов — оно въедалось в дерево, в одежду, в кожу. Дафна, имя которое дали Соре при рождении, не помнила запаха матери. Мать умерла, когда ей было три дня. Осталась только фотография на стене — выцветшая, с загнутым уголком. Женщина с бледным лицом и светлыми волосами, убранными под кружевную накидку. Отец говорил: «Она была красивая, как фарфор». Дафна не знала, что такое фарфор, пока не увидела его в витрине часовой лавки. Это было дорого. Это было хрупко. Это было не для них.

Отец работал в мастерской на первом этаже их дома — крошечного, втиснутого между булочной и лавкой старьевщика. Он чинил часы. Настенные, карманные, каминные — любые. К нему приходили моряки, торговцы, дамы в поношенных перчатках. Он брал часы в руки, и его лицо становилось спокойным. Он не говорил с людьми — он говорил с механизмами.

— Часы не врут, — говорил он Дафне. — Люди врут. Часы — нет.

Ей было пять, когда она впервые села рядом с ним у вер-

стака. Шесть — когда собрала свой первый механизм. Семь — когда поняла: часы — это не просто колёсики. Это уравнение. Каждая шестерёнка на своём месте. Каждая пружина знает своё дело.

— Почему ты не откроешь свою мастерскую? — спросила она однажды. Ей было девять, и она уже знала, что мир устроен неправильно: отец работает на других, а другие богатеют.

— Потому что у меня нет денег, — ответил он.

— А почему у нас нет денег?

— Потому что я честный. Честные не богатеют.

Она запомнила это. И решила: она не будет честной. Она будет умной.

В школе её не любили. Дети чувствуют чужое — а Дафна была чужой с самого начала. Слишком тихая. Слишком внимательная. Она смотрела на учителя не так, как другие дети, — не с почтением, а с оценкой. Она взвешивала его слова, как взвешивают монеты: настоящее или фальшивое.

Однажды учитель спросил: «Кто открыл Америку?» Дети закричали наперебой: «Колумб! Колумб!» Дафна подняла руку. «Колумб ничего не открыл, — сказала она. — Там уже жили люди. Он просто приплыл и украл их землю». Учитель покраснел. Дети засмеялись — не над учителем, над ней. После урока её поймали за школой. Мальчишка, сын пекаря, толкнул её в грязь. «Ты слишком умная, — сказал он. — Ни-

кто не любит слишком умных». Она лежала в луже и смотрела на него. Она не плакала. Она запоминала его лицо.

Через неделю она узнала, что отец мальчика задолжал за муку. Она никому не сказала. Она просто запомнила. Информация — это оружие. Она поняла это в девять лет.

Отец умер во вторник.

Она помнила это точно, потому что по вторникам он заводил все часы в мастерской — разом, в полдень. В тот вторник часы молчали.

Она пришла из школы и нашла его на полу у верстака. Он лежал лицом вниз, и рука всё ещё сжимала отвёртку. Ему было сорок три. Сердце остановилось — так сказал доктор. Она кивнула, как будто поняла. На самом деле она не понимала ничего. Она стояла над телом и ждала, что он встанет.

Он не встал.

Соседи помогли с похоронами. Гроб был дешёвым — из сосны, некрашенный. Священник прочитал молитву. Дафна стояла и смотрела на могилу. Она не плакала. Она думала: что теперь? Что будет со мной теперь?

Через три дня пришли двое. Мужчина с крысиным лицом и женщина в сером платье. Они ходили по дому, трогали вещи, заглядывали в углы. Дафна стояла у стены и молчала.

— Дом пойдёт за долги, — сказал мужчина. — Инструменты продадим.

— А девчонка? — спросила женщина.

Они посмотрели на неё. У женщины были холодные глаза — такие бывают у людей, которые давно перестали видеть в других людях людей.

— В заведение мадам Кроули, — сказала она. — С таким лицом возьмут.

Дафна знала, что это значит. В порту говорили о мадам Кроули. Девочек забирали в её дом и не возвращали. Вернее, возвращали — но другими.

— Я никуда не пойду, — сказала она.

Женщина усмехнулась.

— Выбора нет. Мы придём завтра.

Они ушли. Дафна закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце стучало так громко, что ей казалось — весь дом слышит.

Завтра.

У неё была одна ночь.

Она собиралась в темноте. Не зажигала свечу — боялась, что соседи увидят свет и догадаются. Она двигалась на ощупь, как учил отец: «Часы можно собрать с закрытыми глазами. Главное — знать, где что лежит». Она знала.

Отцовские часы — карманные, серебряные. Единственная ценная вещь. Она положила их в карман юбки.

Фотография матери. Выцветшая, с загнутым уголком. Она положила её в карман к часам.

Нож для бумаги — острый, как бритва. Она сунула его за

пояс.

Хлеб. Спички. Тёплый плащ. Деньги из жестянки — немного, на несколько дней.

Всё поместилось в узелок. Она взвалила его на плечо и подошла к окну. Кухонное окно выходило на задний двор. Там был забор — низкий, деревянный. За забором — переулок.

Она открыла окно. Ночь была холодной. Звёзды висели над Портсмутом, как чужие глаза.

Она не оглянулась.

Церковь Святого Фомы стояла на холме. Дафна знала её с детства: отец иногда брал её на воскресную службу. Она не верила в Бога — слишком многое в этом мире говорило о том, что Бога нет. Но она знала: церковь — это место, где можно спрятаться.

Она пришла на рассвете. Села на ступенях. Ждала.

Отец Томас вышел в шесть. Высокий, с седыми висками и руками, которые пахли воском. Он увидел её. Остановился.

— Ты дочь часовщика.

— Да.

— Что ты здесь делаешь?

— Мне некуда идти. Меня хотят продать.

Он долго смотрел на неё. Она не отводила глаз. Так учил отец: «Если говоришь правду — смотри прямо. Если лжёшь — тоже смотри прямо».

— Идём, — сказал он.

Внутри церкви пахло ладаном и деревом. У алтаря стояли ящики — миссионерские, сколоченные из дешёвых досок. Дафна смотрела на них и понимала: эти люди уезжают. Куда-то далеко.

— Я слышала, вы собираетесь в дорогу, — сказала она.

— В Чосон. Это на другом конце мира.

— Возьмите меня. Я могу работать. Я умею чистить, мыть, готовить. Я знаю счёт. Я умею читать и писать. Я не буду обузой.

— Это опасное путешествие. Ты можешь умереть.

— Я уже умерла, — сказала она. — Если останусь здесь.

Он вздохнул. Она видела, как он колеблется. Добрые люди всегда колеблются — этим они отличаются от злых. Злые не сомневаются.

— Будешь помогать сестре Марте. Спишь в трюме с остальными. Выходишь только в портах. Поняла?

— Да.

— Корабль отходит завтра на рассвете.

— Я буду готова.

Корабль назывался «Звезда Востока». Старое торговое судно, пропахшее рыбой и солью. Дафна провела в море четыре месяца. Она узнала, что такое качка, от которой выворачивает наизнанку. Узнала, что такое жажда. Узнала, что такое смерть: один из матросов умер от лихорадки, и его за-

шили в парусину и бросили за борт. Она смотрела, как белый кокон исчезает в серой воде, и думала: «Вот так и я. Никто не вспомнит. Никто не придёт».

Но она выжила.

Она выжила, потому что научилась быть полезной. Она драила палубу. Помогала сестре Марте. Учила корейские слова у юнги-полукровки, который смеялся над её акцентом, но поправлял.

И однажды утром земля показалась на горизонте. Серая полоска, которая постепенно превратилась в берег. Горы. Крыши. Дым над трубами.

Чосон.

Порт Чемульпо встретил её криками. Грузчики, торговцы, нищие — все кричали. Она не понимала ни слова, но понимала интонации. Торг. Спор. Угроза. Просьба. Это везде одинаково.

Отец Томас дал ей немного денег и благословил на прощание. Она не обиделась. Она знала: никто никому ничего не должен. Ей дали дорогу. Остальное — её дело.

Она осталась одна в чужой стране. Без языка. Без денег. Без имени.

Первые недели она выживала. Ночевала на рынке. Ела объедки. Прячала волосы под платок. Лицо пачкала грязью. Двигалась бесшумно, как тень.

Через месяц она нашла бирку.

Та лежала в канаве у дороги — грязная, намокшая. Латунная пластина с выгравированным именем. Она не знала, что там написано, но знала, что это. Именная бирка. Документ. То, что делает человека человеком в этой стране.

Рядом лежал кошелёк — вымокший, но с монетами. Она взяла и то, и другое. Потом она узнала имя. Хан Сора.

Она не знала, умерла та женщина или просто потеряла вещи. Но это имя стало её именем. Сначала — для других. Потом — для себя.

Первая сделка

Ей было четырнадцать. Она жила на улице уже несколько месяцев и за это время выучила главное правило: никто не смотрит на грязного подростка. Грязный подросток — это не человек. Это часть пейзажа, как брошенная телега или облезлая собака. И часть пейзажа слышит всё.

В то утро она сидела у ворот таможни — длинного приземистого здания с облупившейся краской, куда приходили иностранные торговцы оформлять грузы. Она сидела там не случайно. Она уже знала: здесь можно услышать английскую речь. Английская речь означала деньги. Если не деньги — то информацию. А информация стоила денег.

Торговец был рыжим. Это она заметила сразу — волосы цвета моркови торчали из-под шляпы, и он постоянно их поправлял. Одет дорого, но небрежно: сюртук хорошего сукна, а пуговица на жилете болтается. Он то ли не замечал, то ли

ему было всё равно. Сора подумала: богатый. Богатые всегда небрежны. Бедные не могут себе этого позволить.

Он кричал. Кричал по-английски, и голос его разносился по всей улице.

— Я заплатил пошлину! Вот квитанция! Что значит «дополнительный сбор»? Позовите кого-нибудь, кто говорит по-человечески!

Корейский чиновник — сухой, как бамбуковая палка, в тёмном чиновничьем одеянии и с неподвижным лицом — отвечал ровным тоном. Он явно не понимал ни слова, но и не пытался понять. Он повторял одно и то же — что-то про правила, про печать, про то, что нужна ещё одна подпись. Торговец не понимал. Чиновник не уступал. Сделка умирала у всех на глазах.

Вокруг уже собралась небольшая толпа. Зеваки, грузчики, пара других торговцев. Никто не вмешивался. Вмешиваться в такие дела было опасно: чиновник мог запомнить лицо.

Сора поднялась. Отряхнула юбку — грязную, в пятнах. Поправила платок на голове — волосы должны быть спрятаны. Подошла ближе. Не вплотную — на такое расстояние, чтобы её слышали, но не могли схватить за руку. Она уже научилась рассчитывать расстояние. На улице это был вопрос жизни.

— Сэр, — сказала она по-английски. Негромко, но отчётливо. — Вам нужен переводчик?

Торговец обернулся. Уставился на неё. Грязный подро-

сток. Лохмотья. Босые ноги. И голубые глаза — слишком светлые для этого места.

— Ты кто такая?

— Я говорю по-английски. И немного по-корейски. Я могу помочь.

— Откуда ты?

— Из Англии. Как вы.

Он моргнул. В его голове явно не складывалось: Англия — и эта оборванка? Но времени на раздумья не было. Чиновник уже начал собирать бумаги со стола.

— Ладно, — сказал торговец. — Спроси у него, какого чёрта ему нужно.

Сора повернулась к чиновнику. Она понимала по-корейски больше, чем говорила, но всё равно подбирала слова осторожно. Акцент был ужасный — она знала это. Но чиновник замедлился. Посмотрел на неё. На светлые глаза, которые выглядывали из-под платка. На лохмотья. Он не мог понять, кто она такая, и эта невозможность классифицировать её заставила его выслушать.

Она заговорила. Медленно, с ошибками. Объяснила, что торговец не понимает, что торговец заплатил, что торговец просит объяснить, какой ещё нужен сбор. Чиновник выслушал. Потом ответил — длинно, с подробностями, из которых она поняла примерно половину. Но она умела догадываться. Она догадалась: нужна ещё одна печать от другого ведомства. Без неё груз не выпустят.

— Он говорит, что вам нужна ещё одна печать, — перевела она торговцу. — От налогового управления. Оно в соседнем здании. У вас есть два часа, пока они не закрылись на обед.

— Чёрт, — сказал торговец. — Чёрт, чёрт, чёрт.

— Я могу проводить, — сказала Сора.

Он посмотрел на неё. Она встретила его взгляд прямо — так, как учил отец.

— Сколько? — спросил он.

Она не знала, сколько просить. Она никогда не просила. Она брала — еду, монеты, — но никогда не называла цену за услугу. Она быстро прикинула: сколько стоит еда на день? Сколько стоит комната в портовой гостинице? Сколько стоит пара обуви?

— Две монеты, — сказала она. — Серебром.

Он хмыкнул. Полез в карман. Бросил ей монету — одну, но тяжёлую. Больше, чем она просила.

— Показывай дорогу.

Они шли через рынок. Торговец шагал быстро, размахивая руками, и говорил без остановки.

— Торгую шёлком. Вожу из Лондона в Сеул. Уже три года. И каждый раз — одно и то же. То печать не та, то подпись не там, то пошлина выросла. Ты не представляешь, сколько денег я теряю из-за их бюрократии.

— Представляю, — сказала Сора.

Он покосился на неё.

— Ты действительно из Англии?

— Из Портсмута.

— Портсмут? Я там бывал. Паршивое место.

— Да, — согласилась она. — Паршивое.

— Как тебя сюда занесло?

— Долгая история.

— У всех долгая история. Но не все выживают на улицах Сеула.

Она не ответила. Они подошли к налоговому управлению — такому же приземистому зданию, только с зелёной крышей.

— Подождите здесь, — сказала она.

Она вошла внутрь. Чиновник за столом поднял голову. Она заговорила — быстро, с тем же акцентом, но уже увереннее. Она объяснила: английский торговец, шёлк, пошлина уплачена, нужна печать. Чиновник долго перебирал бумаги, что-то переспрашивал, потом шлёпнул печать и протянул документ. Сора взяла его, поклонилась и вышла.

— Готово, — сказала она, протягивая бумагу торговцу.

Тот уставился на печать. Потом на неё.

— Как ты это сделала?

— Просто попросила.

— Просто попросила, — повторил он. — Я прошу три года. Ты — пятнадцать минут.

— Четырнадцать.

Он рассмеялся — громко, запрокидывая голову. Отсмеявшись, полез в карман и бросил ей ещё одну монету.

— Как тебя зовут?

— Сора.

— Сора? Странное имя для англичанки.

— Я здесь давно, — сказала она. — Имена меняются.

— Ну, Сора, — сказал он, убирая бумаги в портфель, — у меня есть предложение. Ты, кажется, знаешь, как здесь всё устроено. А я не знаю. Я бываю в Сеуле раз в три месяца. Будешь моим переводчиком?

Она помолчала. Посмотрела на него. Оценила. Рыжий. Богатый. Небрежный. Не очень умный, но щедрый. С таким можно работать.

— Сколько? — спросила она.

— Три серебряные монеты в день. Плюс процент от каждой сделки, которую ты поможешь заключить.

У неё перехватило дыхание. Три серебряные монеты в день. За неделю — больше, чем отец зарабатывал за месяц. Она не показала виду.

— Четыре, — сказала она. — И обед за ваш счёт.

Он снова рассмеялся.

— Торгуешься, как моя бабушка. Ладно. Четыре и обед. По рукам.

Он протянул руку. Она пожала её. Ладонь у него была мягкая, без мозолей. Ладонь человека, который никогда не работал руками. Её собственная ладонь была жёсткой, как по-

дошва.

— Мистер Браун, — представился он. — Уильям Браун.
Для тебя — просто Браун.

— Сора, — сказала она. — Просто Сора.

Через неделю она уже знала о нём всё.

Она знала, что он действительно торгует шёлком, но не только. Ещё он возит опиум — спрятанный в рулонах ткани. Она узнала это не от него. Она услышала, как корейский грузчик шепнул другому: «Осторожнее с этим, там не только ткань». Она не сказала Брауну. Эта информация могла пригодиться позже.

Она знала, что у него есть жена в Лондоне и любовница в Шанхае. Она узнала это из его собственных слов: он был говорлив и не умел молчать. Особенно после обеда, когда выпивал две рюмки рисового вина. Он рассказывал ей всё — о семье, о деньгах, о конкурентах. Она слушала и запоминала.

Через месяц она знала о других торговцах. Браун знакомил её со своими партнёрами — сначала с неохотой, потом с гордостью: «Это моя переводчица. Лучшая в Сеуле». Она переводила переговоры и слушала, о чём говорят до и после. Кто с кем в ссоре. Кто кому должен. Кто ищет выход на корейский рынок.

Через три месяца она продала первую информацию.

Это был пустяк. Браун собирался заключить сделку с одним корейским купцом, а она знала — из случайного разго-

вора слуг, — что этот купец на грани банкротства. Она не сказала об этом Брауну. Вместо этого она пошла к конкуренту Брауна — другому английскому торговцу, мистеру Грейвзу — и сказала: «Я знаю кое-что, что поможет вам обойти Брауна. Это будет стоить пять серебряных монет». Грейвз заплатил. Сделка Брауна сорвалась. Браун так и не узнал почему.

Сора положила монеты в тайник под половицей и впервые за долгое время почувствовала, что контролирует свою жизнь.

Через год у неё было достаточно денег, чтобы снять комнату в портовой гостинице. Через два — чтобы арендовать небольшой дом и начать давать уроки английского детям торговцев. Через три — её школа уже стояла на холме, и слива цвела во дворе, и ученики кланялись ей, и никто не знал, с чего всё началось.

Никто не знал о рыжем торговце, который первым бросил ей монету. О грязной девчонке, которая сидела у ворот таможни. О бирке, найденной в канаве.

Никто не знал, что Хан Сора когда-то была Дафной. И ей это нравилось.

Май 1909 года

Сора стояла у ворот школы и смотрела на улицу. Пак Сонхо ушёл, но его слова остались. Японская делегация. Пере-

водчик. Переговоры.

Она пошла в дом. Закрыла дверь. Достала из рукава бирку — старую, с царапиной от ножа. Она носила её всегда. Не как талисман. Как напоминание.

«Ты не Хан Сора, — говорила она себе. — Ты Дафна. Ты дочь часовщика. Ты никто. И поэтому ты можешь быть кем угодно».

Она спрятала бирку и стала ждать ночи. Ночью нужно было идти в лагерь. Рассказать о японцах. Получить задание. Подготовиться.

Завтра всё начнётся. А сегодня у неё ещё есть время побыть той, кем она стала. Учительницей. Женщиной в ханбоке. Розой, которая цветёт на чужой земле.

Глава 3

Японцы вошли в город в начале июня. Сначала — штабные офицеры, потом — солдаты, потом — обозы с провизией и оружием. Они занимали лучшие здания, выставляли охрану, вешали флаги с красным кругом на белом полотне. Город сжимался, как раненый зверь. На рынках стало тише, в чайных шептались, на улицах люди отводили глаза.

Сора наблюдала. Она стояла у ворот школы и смотрела, как чужая армия растекается по её городу. Серые мундиры. Винтовки на плечах. Сапоги, печатающие шаг по каменным плитам. Она запоминала всё: сколько солдат, куда направляются, где штаб, где казармы, где склады. Вечером она запишет это в маленькую книжечку и передаст связному. А пока — просто смотреть. Просто запоминать.

Слива уже отцвела. Зелёные завязи плодов висели на ветках — маленькие, твёрдые, обещающие осень. Она коснулась одной из них кончиками пальцев и подумала: успеет ли она увидеть урожай?

— Учитель Хан.

Голос служанки вывел её из задумчивости. Сора обернулась.

— Там человек. Японец. Говорит, у него дело.

— Пусть войдёт.

Он вошёл не один. Двое солдат остались у ворот, а он прошёл через двор — высокий, в тёмно-синем мундире с серебряными пуговицами, с саблей на поясе. Сапоги стучали по каменным плитам. На поясе — кобура, но оружия в ней нет: он оставил пистолет у входа. Этот жест она заметила и оценила. Он остановился в двух шагах от неё и поклонился. Не глубоко, но достаточно, чтобы обозначить уважение.

— Хан Сора-сси, — сказал он по-корейски. Медленно. Чётко. С акцентом, но правильно. Он явно репетировал эту фразу.

Она не ответила. Смотрела на него и ждала. Ханбок цвета морской волны, длинная светлая коса, перекинутая через плечо, руки спрятаны в рукавах. Она была спокойна, как вода в пруду. Он был чужим в этом дворе — и знал это.

— Меня зовут Като Кадзуки, — продолжил он, переходя на английский. — Командир японского гарнизона в Сеуле.

— Я знаю, кто вы, — ответила она по-английски. — Вас трудно не заметить.

Он чуть наклонил голову — то ли соглашаясь, то ли принимая вызов.

— Я слышал о вашей школе. Говорят, вы лучший преподаватель английского в Сеуле.

— Говорят, — сказала она. — Чем обязана?

— Я хочу учить корейский. Мне нужен учитель.

Она не моргнула.

— Я преподаю английский. Корейский я знаю плохо. Вы

ошиблись адресом.

— Мне говорили, что вы знаете корейский лучше, чем показываете.

— Вам говорили неправду.

Он помолчал. Она видела, как он оценивает её — быстро, профессионально, как оценивают противника перед боем.

— Я заплачу, — сказал он. — Любую цену.

— Дело не в деньгах.

— А в чём?

— В том, что я не учу врагов.

Слова упали между ними, как камень в воду. По двору разошлись круги тишины. Даже слуги, кажется, замерли.

Като Кадзуки смотрел на неё. Его лицо не изменилось — та же спокойная маска, — но что-то в глазах дрогнуло. Он не ожидал. Он привык к поклонам, к подобию страсти, к тихим «да, господин командир». А здесь — женщина, иностранка, которая смотрит ему в глаза и говорит «нет».

— Врагов, — повторил он. — Вы считаете меня врагом?

— Ваша армия оккупирует эту страну. Чего вы ждали? Любви?

Он не ответил. Она видела, как он перестраивается — как механизм, который наткнулся на неожиданное препятствие и теперь ищет другой путь.

— Я не оккупант, — сказал он наконец. — Я солдат. Я выполняю приказ.

— Солдаты выполняют приказы. Командиры отдают их.

Вы командир.

— Вы не оставляете мне пространства для манёвра.

— Это не поле боя, господин Като. Это мой дом. Здесь нет манёвров. Здесь есть только «да» и «нет».

— И ваше «нет» окончательное?

— Окончательное.

Он стоял перед ней — высокий, чужой, — и она видела, как что-то происходит в его голове. Он не злился. Это было бы понятно: злость — простая эмоция. Он был сбит с толку. И заинтригован. Она поняла это по тому, как он чуть прищурился — на долю секунды, — прежде чем снова надеть маску вежливости.

— Что ж, — сказал он. — Тогда позвольте задать другой вопрос. Не как учителю. Как человеку.

— Слушаю.

— Почему вы защищаете эту страну? Вы не корейнка.

— Откуда вы знаете?

— У вас голубые глаза. И светлые волосы. И вы говорите по-английски как уроженка Британии. Вы не корейнка. Но вы ведёте себя так, будто это ваша родина. Почему?

Она молчала. Он смотрел на неё и ждал — как она ждала его несколькими минутами раньше.

— Это долгая история, — сказала она наконец.

— Я не тороплюсь.

— А я тороплюсь. У меня урок через десять минут.

— Тогда, может быть, за обедом? — Он чуть наклонил

голову. — Я приглашаю вас. Не как командир — как человек, который хочет понять.

Она едва не усмехнулась. Это было неожиданно. Она ожидала угрозы. Ожидала давления. Ожидала, что он попытается использовать власть. Но он просто пригласил её на обед.

И она поняла: это возможность. Он хочет понять её — но она тоже хочет понять его. Она немного знала японский — выучила за последние месяцы, тайно, по ночам. Она понимала больше, чем говорила. Если она будет сидеть с ним за столом, слушать, как он говорит с адъютантами, с официантами, с другими офицерами, — она услышит то, что не предназначено для её ушей.

— Хорошо, — сказала она. — Я принимаю приглашение. Он чуть улыбнулся — коротко, одними уголками губ.

— Завтра? В час дня?

— Завтра в час.

— Я пришлю экипаж.

— Не надо. Я приду сама.

Он поклонился. Она ответила лёгким кивком — не поклоном, нет. Учитель не кланяется ученику.

Когда он ушёл, она ещё долго стояла во дворе. Служанка подошла, спросила что-то, но она не слышала.

— Учитель Хан? — повторила служанка.

— Что?

— Вы в порядке? Вы бледная.

— Я в порядке, — сказала Сора. — Просто задумалась.

Она думала о том, что началась игра. Опасная. На два фронта. Он будет пытаться понять её. Она будет пытаться понять его. И кто-то из них выиграет.

Она вошла в дом, закрыла дверь и достала из рукава бирку. Старая Хан Сора, настоящая, носила её каждый день. Теперь её носила другая женщина. Она сжала металл в ладони.

Обед был в западном ресторане — одном из тех, что открылись в Сеуле с приходом иностранцев. Белые скатерти, серебряные приборы, официанты в перчатках. Сора пришла ровно в час. На ней было европейское платье — она решила, что ханбок здесь будет слишком вызывающим, слишком корейским. Платье было тёмно-синим, с высоким воротником. Коса уложена вокруг головы. Выглядела она как леди. И чувствовала себя как на поле боя.

Като Кадзуки ждал её за столиком у окна. Он был в форме, но без сабли — только пистолет на поясе. Он встал, когда она вошла, отодвинул стул. Европейские манеры. Она оценила.

— Вы пришли, — сказал он.

— Я обещала.

— Не все держат обещания.

— Я держу.

Официант принёс меню. Она заказала суп и чай. Он — мясо и саке. Когда официант ушёл, он посмотрел на неё — прямо, без уверток.

— Я думал о нашем разговоре, — сказал он.

— Я тоже.

— Вы сказали, что не учите врагов. Но вы согласились обедать с врагом. Почему?

— Потому что обед — это не урок. Обед — это просто обед.

— Вы действительно так думаете?

— Нет, — сказала она. — Но я надеюсь, что вы так думаете.

Он усмехнулся. На этот раз — почти по-настоящему.

— Вы опасная женщина, Хан Сора-сси.

— Я учительница. Что во мне опасного?

— Вы задаёте вопросы, на которые я не готов отвечать. И вы не боитесь.

— А вы боитесь?

Он помолчал.

— Иногда, — сказал он. — Редко. Но иногда.

Это было неожиданно. Она думала, он будет врать. Храбриться. Играть роль. А он сказал правду. Или то, что выглядело как правда.

Официант принёс заказ. Они ели молча. Она наблюдала за ним. За тем, как он держит нож. За тем, как пьёт саке — маленькими глотками, не торопясь. За тем, как смотрит в окно, где по улице шли корейцы, и его взгляд не был взглядом победителя. Скорее — взглядом человека, который оказался в чужом месте и пытается понять, как здесь всё устроено.

— Почему вы стали военным? — спросила она.

— Семейная традиция. Мой отец был военным. Дед — тоже. У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда.

— Вы так думаете?

— Я знаю.

Он посмотрел на неё. Она выдержала взгляд.

— Вы говорите как человек, который сам делал выбор, — сказал он. — Трудный выбор.

— Все выборы трудные. Иначе это не выбор, а привычка.

— И какой выбор сделали вы? Когда решили остаться в Корее?

Она отпила чай. Долго молчала. Потом сказала:

— Я решила, что эта страна стоит того, чтобы за неё бороться.

— Даже если вы не корейнка?

— Национальность — это не кровь. Это решение. Я решила быть корейнкой.

— А Англия?

— Англия ничего мне не дала. Кроме голубых глаз и умения читать. Чосон дал мне дом. Смысл. Людей, ради которых стоит жить.

— И умирать?

— И умирать, — сказала она спокойно.

Он отложил нож. Посмотрел на неё долгим взглядом — не как на противника и не как на женщину. Как на уравнение, которое он не мог решить.

— Вы удивительная, — сказал он. — Я встречал много людей. Но вы — первая, кто говорит о смерти так, будто это погода.

— Смерть — это не самое страшное. Страшнее — жить без смысла.

— У меня есть смысл. Я служу Японии.

— А если Япония неправа?

Он замер. В ресторане было тихо. Только где-то на кухне звенели кастрюли.

— Этот вопрос, — сказал он медленно, — может стоять мне карьеры.

— Мы не на допросе. Мы на обеде.

— Обед с вами опаснее допроса.

Она улыбнулась — впервые за всё время. Улыбка была лёгкой, почти незаметной, но он заметил.

— Вы улыбаетесь, — сказал он.

— Вам показалось.

— Нет. Я видел.

— Значит, вам нужно проверить зрение.

Он покачал головой. Что-то изменилось между ними — едва уловимо, как сдвиг воздуха перед грозой. Она почувствовала это и испугалась. Не его. Себя.

— Мне пора, — сказала она, вставая.

— Уже?

— У меня уроки.

Он встал вместе с ней. Поклонился.

— Могу я пригласить вас снова? На ужин?

— Зачем?

— Чтобы продолжить разговор. Чтобы понять.

— Что понять?

— Вас.

Она смотрела на него. Он был врагом. Он был командиром оккупационной армии. Он был человеком, который, если узнает правду, прикажет её расстрелять.

— Хорошо, — сказала она. — На ужин.

— Завтра?

— Через два дня. В ресторане «Чосон» у Восточных ворот.

— Я буду ждать.

Она развернулась и вышла. На улице её обдало жарким июньским воздухом. Она глубоко вздохнула. Сердце стучало где-то в горле. Она думала: это игра. Только игра. Она выведывает информацию. Она слушает. Она запоминает. Это для армии. Это для Чосона.

Но где-то глубоко внутри тихий голос — голос Дафны, девочки из Портсмута, — прошептал: «Ты врешь себе. Ты врешь».

Она отмахнулась от него и пошла к школе. Впереди был вечер. А вечером — лагерь. Связной из Китая. Ружьё под половицей. Настоящая жизнь.

Настоящая.

Глава 4

Ночь опустилась на Сеул быстро — без сумерек, как всегда на востоке. Сора закрыла школу, отпустила слуг, проверила замки. Когда последние шаги затихли за воротами, она прошла в свою комнату, сняла ханбок и достала из тайника мужскую одежду. Тёмные штаны. Куртка. Шляпа, под которую она спрятала волосы. Полоса ткани, чтобы перевязать грудь — туго, как учили. Ружьё из-под половицы. Патроны в кармане.

Она больше не была Хан Сора. Она была тенью.

Сеул ночью принадлежал не японцам. Днём они маршировали по улицам, выставляли посты, проверяли документы. Ночью город возвращался к тем, кто знал его по-настоящему: к ворам, к повстанцам, к женщинам, которые носили ружья под мужской одеждой. Сора шла по крышам — бесшумно, как учили. За шесть лет она выучила каждый переулок, каждый проходной двор, каждый дом, где можно спрятаться. Она знала, где стоят японские патрули. Знала, когда сменяется караул. Знала, что у Восточных ворот в этот час пусто — солдаты уходят в казармы за полчаса до полуночи.

Она спрыгнула с низкой крыши, приземлилась на корточки, замерла. Тишина. Только собака где-то лает. Только ветер гонит пыль по переулку. Она двинулась дальше.

У старого колодца её ждали. Двое. Один — мужчина лет сорока, с лицом, изрезанным шрамами. Она знала его только по прозвищу — Тхэхо, «тигр». Когда-то он был офицером королевской гвардии. Теперь — командир отряда армии справедливости. Второго она не знала. Молодой, совсем мальчишка, лет шестнадцати. Он смотрел на неё с любопытством и страхом — так смотрят на призрака.

— Ты опоздала, — сказал Тхэхо.

— Были дела.

Он хмыкнул. Они двинулись в лес — гуськом, молча. Тропа была узкой, петляла между скал. Сора знала её наизусть. Через час они вышли к лагерю.

Лагерь армии справедливости был скрыт в горной долине, в часе ходьбы от Сеула. Ни дорог, ни троп, ни указателей. Только те, кто знал, могли найти его. Сора пришла сюда впервые три года назад — и с тех пор возвращалась каждую неделю.

Тогда, в шестнадцать, она уже была хозяйкой школы и уважаемой женщиной в городе. Но внутри неё жила ярость — глухая, невысказанная. Она ненавидела Англию за то, что та с ней сделала. Ненавидела мир, который пытался сломать её. И когда она услышала о тех, кто борется, — она поняла: это её люди. Её война. Её страна.

Связного она нашла через ученика. Сын одного из чиновников обмолвился на уроке: «Мой дядя говорит, что японцы не уйдут сами. Их нужно гнать». Она не показала виду. По-

сле урока попросила его задержаться.

— Твой дядя, — сказала она тихо. — Он знает, где собираются те, кто хочет гнать?

Мальчик побледнел.

— Я не...

— Я не сдам тебя. Я хочу помочь.

Он не поверил. Она не настаивала. Но через неделю к ней пришёл человек — незаметный, из слуг, — и передал записку. В записке было время и место.

Так она впервые встретила Тхэхо.

Он ждал её у старого колодца — высокий, с лицом, исполосованным шрамами. Он смотрел на неё с подозрением: женщина, иностранка, в мужской одежде. Она протянула ему винтовку — свою, купленную у американского моряка за информацию о таможенных пошлинах.

— Я умею стрелять, — сказала она. — Я умею бегать. Я умею молчать. Что ещё нужно?

Он долго смотрел на неё. Потом сказал:

— Нужно уметь умирать.

— Это я тоже умею.

Он кивнул. И взял её в отряд.

Теперь, три года спустя, она сидела у костра в лагере и смотрела на лица товарищей. Их было немного — человек тридцать. Крестьяне, ремесленники, бывшие солдаты, студенты. Все разные. Все объединённые одним: они не хотели

жить под японским сапогом.

Тхэхо сел рядом. Протянул ей чашку с горячим ячменным чаем.

— Рассказывай, — сказал он.

Она рассказала. О японском командире. О его просьбе учить корейскому. О том, что она отказала. О приглашении на обед.

Тхэхо слушал молча. Когда она закончила, он долго смотрел в огонь.

— Ты согласилась на обед, — сказал он наконец.

— Да.

— Зачем?

— Он говорит с адъютантами при мне. Думает, что я не понимаю. Я понимаю. Я немного знаю японский.

— Ты не говорила.

— Я много чего не говорю.

Он усмехнулся.

— Ты опасная женщина, Сора.

— Мне уже говорили. Сегодня.

— Кто?

— Он.

Тхэхо повернулся к ней. Его лицо было серьёзным.

— Будь осторожна. Если он узнает, кто ты...

— Не узнает.

— Ты уверена?

Она не ответила. Она не была уверена. Като Кадзуки был

умён. Он смотрел на неё не так, как другие. Он задавал вопросы, на которые ей самой хотелось ответить. Он был врагом — но врагом, который вызывал уважение. А это было опаснее всего.

— У нас новый связной из Китая, — сказал Тхэхо, меняя тему. — Привёз письмо от наших в Шанхае.

— Что пишут?

— Что японцы готовят аннексию. Не протекторат. Полную аннексию. К концу года они хотят объявить Чосон частью Японии.

Сора сжала чашку. Горячий чай плеснулся на пальцы, но она не почувствовала.

— Когда?

— Точно не знаем. Но нужно быть готовыми. Нужно оружие. Нужны люди. Нужна информация.

— Я добуду, — сказала она.

— Как?

— Через командира. Он пригласил меня на ужин.

Тхэхо посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты понимаешь, что это опасно? Не для тела. Для души.

— Я знаю.

— Ты можешь отказаться. Никто не осудит.

— Я не откажусь. — Она встала. — Это мой долг. Это моя страна.

— Чосон?

— Да.

— Ты не корейка, — сказал он мягко. — Ты можешь уехать. В Китай, в Англию, куда угодно. Зачем тебе это?

Она посмотрела на него. В свете костра её глаза казались почти прозрачными — как вода, сквозь которую видно дно.

— Потому что Чосон принял меня, — сказала она. — Когда Англия выбросила, как мусор. Когда у меня не было ни имени, ни денег, ни надежды. Эта страна дала мне всё. Я не могу её предать.

— Ты не обязана умирать за неё.

— Обязана. Потому что я её выбрала. Потому что это единственное, что у меня есть.

Он кивнул. Он не спорил. Он знал: такие, как она, не спорят. Они просто делают.

— Завтра, — сказал он, — приходи раньше. Будет тренировка. Новобранцы не умеют стрелять.

— Я приду.

Она вышла из лагеря перед рассветом. Небо на востоке уже серело. Она шла по лесу — уставшая, но спокойная. Здесь, среди этих людей, она чувствовала себя настоящей. Не учительницей. Не иностранкой. Не женщиной в ханбоке. А той, кем она была на самом деле: бойцом. Человеком, который выбрал свою сторону и не сомневается.

В городе она переделалась в доме у старой прачки — та держала для неё запасной ханбок и никогда не задавала вопросов. Сора умылась, заплела косу, надела шпильки. Когда она вышла на улицу, солнце уже поднялось над крышами.

Сеул просыпался. Никто не знал, где она была этой ночью.

У ворот школы её ждала служанка.

— Учитель Хан! Там снова этот... японец.

Сора остановилась. Сердце пропустило удар.

— Что ему нужно?

— Ничего. Просто передал записку.

Сора взяла конверт. Плотная бумага. Красная печать с иероглифом «Като». Она сломала печать. Внутри — короткое письмо, написанное по-английски, старательным почерком:

«Уважаемая Хан Сора-сси. Я размышлял о нашем разговоре. Вы сказали, что выбор есть всегда. Возможно, вы правы. Возможно, я никогда не думал об этом так. Буду рад видеть вас завтра на ужине. Ресторан «Чосон», семь вечера. С уважением, Като Кадзуки».

Она перечитала письмо дважды. Потом сложила его и спрятала в рукав.

— Ответа не будет, — сказала она служанке. — Иди.

Она вошла в дом. Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной.

«Я никогда не думал об этом так». Враг, который учится. Враг, который задаёт вопросы. Враг, который пишет письма от руки и присылает их с курьером, как будто он не командир оккупационной армии, а ухажёр из соседнего поместья.

Она достала письмо. Перечитала ещё раз. Потом бросила в ящик стола — туда, где уже лежал скомканный лист с его

именем и нарисованной сливой.

— Ты играешь с огнём, — сказала она себе.

И пошла к ученикам.

Глава 5

Он ждал у калитки.

Сора увидела его из окна, когда поправляла причёску перед зеркалом. Като Кадзуки стоял у входа в школьный двор — не внутри, а именно у калитки, как будто не решался переступить границу без приглашения. На нём был тёмно-синий кимоно с гербом — не официальный мундир, но и не гражданская одежда. Компромисс. Он смотрел на улицу, на прохожих, на город, и его лицо было спокойным, почти безмятежным. Но что-то в нём — она не сразу поняла, что именно, — было чужим. Не враждебным. Просто чужим.

Она вышла во двор. Он обернулся на звук шагов и поклонился.

— Хан Сора-сси. Вы готовы?

— Вы могли зайти, — сказала она. — Там есть скамья.

— Я не хотел нарушать ваше пространство.

— Вы японский командир. Вы нарушаете пространство целой страны. А беспокоитесь о моей скамье?

Он чуть прищурился — то ли от солнца, то ли от её слов.

— Скамья — это малое. С малого начинается уважение.

— Или притворство.

— Или притворство, — согласился он.

Они пошли по улице. Вечерний Сеул был тих: лавки за-

крывались, разносчики сворачивали свои лотки, женщины в белых ханбоках спешили домой. Заходящее солнце красило крыши в золотой и розовый. Сора шла рядом с ним — в тёмно-синем европейском платье, с косой, уложенной вокруг головы. Она не взяла веер. Она хотела, чтобы руки были свободны.

Она чувствовала запах пороха. Он исходил от него — не резкий, не навязчивый, а тонкий, как духи, которые въелись в кожу. Порох и металл. Запах человека, который держал оружие. Может быть, сегодня. Может быть, вчера.

И ещё она видела, как он смотрит на чосонцев. Он не хмурился, не отворачивался, не выказывал презрения. Но его взгляд был взглядом постороннего. Так смотрят на чужую мебель в съёмном доме: оценивают, но не чувствуют. Корец-торговец поклонился ему — Кадзуки кивнул в ответ, но в кивке не было тепла. Только вежливость. Только дистанция.

Сора подумала: он не считает этих людей равными. Он не желает им зла, он даже готов быть справедливым. Но они для него — не свои. И в этом была вся разница между ними. Для неё эти люди были своими. Она выбрала их. А он — нет.

— Вы задумались, — сказал он.

— Я всегда задумываюсь, когда иду пешком.

— О чём?

— О том, как мы смотрим на людей. Вы смотрите на них иначе, чем я.

— Вы заметили?

— Я много чего замечаю.

Он помолчал. Они свернули на улицу, где находился ресторан «Чосон» — двухэтажное здание с резными колоннами и красными фонарями.

— Вы правы, — сказал он. — Я смотрю на них иначе. Я не знаю их. Они не знают меня. Мы чужие.

— Это можно изменить.

— Можно. Но для этого нужно время.

— Которого у нас нет, — сказала она.

Он посмотрел на неё. Она встретила его взгляд. Между ними пробежало что-то — как ток по проводу, — и исчезло.

— У нас есть этот вечер, — сказал он. — Это уже больше, чем ничего.

Ресторан «Чосон» был лучшим в Сеуле. Белые скатерти, фарфоровая посуда, официанты, обученные европейской сервировке. Здесь обедали дипломаты, японские офицеры, богатые торговцы. Корейцев почти не было — только те, кто прислуживал. Сора прошла через зал, чувствуя на себе взгляды. Иностранка. С японским командиром. Шепотки за спиной.

Кадзуки заказал отдельный кабинет — небольшую комнату с бумажными стенами и низким столиком. Они сели на подушки. Он снял обувь у входа — японская привычка, которую корейцы тоже соблюдали. Она отметила это.

— Вы часто здесь бываете? — спросила она.

— Редко. Только для официальных встреч. Но сегодня не официальная встреча.

— А какая?

— Я ещё не придумал название.

Принесли чай. Потом — закуски: рыба, рис, овощи, соевый соус в маленьких пиалах. Он разливал саке — ей и себе. Она не отказалась.

— Расскажите мне о Чосоне, — попросил он. — Не о политике. О стране. Почему вы её выбрали?

Она задумалась. Вопрос был неожиданным. Она привыкла защищаться, но он не нападал. Он спрашивал — и ей хотелось ответить. Может быть, из-за саке. Может быть, из-за того, как он слушал.

— Чосон — это не страна, — сказала она. — Это способ жить. Здесь всё по-другому. В Англии важно, кто твой отец. Здесь важно, что ты делаешь. В Англии время — это деньги. Здесь время — это время. Оно течёт медленнее. Люди не спешат. Они знают, что всё идёт своим чередом.

— Это звучит как сказка.

— Это не сказка. Это правда. Но я не говорю, что здесь всё идеально. Здесь есть бедность. Несправедливость. Жестокость. Но люди... они другие. Они не сдаются. Даже когда всё против них.

— Как вы.

Она отвела глаза.

— Я не корейка. Я просто учу их английскому.

— Вы не просто учите их английскому. Вы носите ханбок. Вы говорите о Чосоне «мы». Вы отказались учить меня корейскому, потому что я враг. Вы не просто учительница, Хан Сора-сси.

— Кто же я?

— Я ещё не понял. Но я хочу понять.

Принесли горячее. Они ели молча. Саке согревало изнутри. Сора чувствовала, как напряжение уходит из плеч. Она напонила себе: это игра. Ты здесь ради информации. Слушай, запоминай, не расслабляйся. Но игра становилась всё труднее.

— Вы сказали, что служите Японии, — произнесла она.

— А что вы чувствуете?

— Чувствую?

— Да. Не как солдат. Как человек. Что вы чувствуете, когда видите этих людей? Когда слышите их язык? Когда понимаете, что они вас боятся?

Он отставил чашку с саке. Долго смотрел на бумажную стену, за которой мерцал свет фонарей.

— Я чувствую, что делаю то, что должен. Но иногда, — он помедлил, — иногда я думаю: а что, если мы ошибаемся?

— Вы? Япония?

— Япония не ошибается. Япония — это император. Император не ошибается. Но я — человек. А люди ошибаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.